

Глава 36. Дикий котёнок глядит сверху вниз, полный дерзости и страсти

Ню Июн задерживаться не стал. Забрав письмо, он поспешно скрылся под покровом ночи через задние ворота резиденции Вэнь.

В этот миг на Вэнь Цзыюаня навалилась свинцовая усталость, копившаяся весь день. Дневные расспросы Шэнь Чжияю застряли костью в горле. Цзыюань слишком хорошо знал, насколько проницателен кузен: стоило лишь на мгновение замешкаться или отвести взгляд, как тот сразу вывернул бы его душу наизнанку.

Он и подумать не мог, что однажды самому придётся изворачиваться. Стоит ли во всём признаться?

В длинной галерее дрожал тёплый свет свечей. Из оконных щелей тянулся тонкий аромат благовоний. Сняв тяжёлый пояс с нефритовыми бляшками, Цзыюань распустил длинные волосы, примятые чиновничьим убором, и неторопливо направился к купальне.

«Нет. Ни за что не скажу. Не хочу всю жизнь оставаться трусом, прячущимся за чужими спинами ради тёплого местечка. Я и сам на что-то годен».

Над водой клубился густой белый пар. Цзыюань глубоко вздохнул и опустился в деревянную бочку. Горячая вода медленно поднималась, пока не скрыла кончик носа. Закрыв глаза, он забылся в истоме, позволяя мыслям растаять. Время словно остановилось.

Раздался громкий всплеск.

Чья-то сильная рука бесцеремонно схватила его за локоть и рванула вверх. Лишившись согревающего тепла, Цзыюань задрожал от озноба. Вода ручьями стекала с его локтей, пальцев и мокрых прядей. Прямо перед ним стоял забрызганный водой Елюй Лу. Изумление на лице Цзыюаня мгновенно сменилось гневом:

— Ты что, подглядываешь?! — возмутился он. — Что ещё за дурные привычки?

Елюй Лу, которого так внезапно окрестили бесстыжим соглядатаем, опешил:

— Да нет же... Я...

— Отпусти, — Цзыюань вырвал руку, с шумом вылез из бочки и, сорвав с вешалки просторный халат, накинул его на плечи.

— Я и не думал подглядывать! — поспешил оправдаться Елюй Лу. — Я видел со двора, как ты ушёл в купальню, и тебя слишком долго не было. Воды ты налил прорву, кругом пар такой, что

дышать нечем, да ещё и слуг рядом ни души...

Цзыюань окинул его недоверчивым взглядом.

— И ты испугался, что я утону? Елюй Лу, я, может, и уступаю тебе в ратном деле, но уж точно не захлебнусь в собственной ванне. — Он фыркнул. — Придумал бы оправдание поскладнее...

— Никакое это не оправдание! — отрезал Елюй Лу. — Тут умение драться ни при чём. Беда случается в одно мгновение, никто от этого не застрахован. К тому же ты ранен, а рану мочить нельзя.

Цзыюань неопределённо хмыкнул, вглядываясь в лицо собеседника.

Елюй Лу отступил на шаг, прижал правую руку к груди и склонил голову в традиционном уважительном приветствии северян:

— Прости. Врываться сюда без спроса было глупостью с моей стороны. Раз ты в порядке, я уйду.

— Стоять! — окликнул его Цзыюань у самого порога.

Елюй Лу замер. Не успел он обернуться, как воздух позади него свистнул. Лишь благодаря боевому опыту, накопленному в жестоких сечах, он чудом уклонился от внезапного выпада. Цзыюань без лишних слов бросился в атаку, целясь коленом прямо в голову.

Тело воина сработало быстрее разума. Елюй Лу перехватил летящее колено, прижал его книзу, а второй рукой ухватил противника за лодыжку, намереваясь швырнуть в сторону. Но в последнее мгновение он опомнился — вспомнил, с кем дерётся. Опасаясь покалечить Цзыюаня, северянин резко ослабил хватку и рванул парня на себя, увлекая в объятия и бережно подставляя локоть под его затылок.

Цзыюань победно усмехнулся. Именно этого он и ждал!

В мгновение ока Цзыюань изловчился, перехватил инициативу и, воспользовавшись инерцией движения, повалил Елюй Лу на пол, оседлав его сверху. Схватив опешившего воина за воротник, он весело прищурился:

— Попался! Ты проиграл!

Елюй Лу, растянувшийся на полу, лишь безмолвно возвёл очи к потолку.

Ворот халата Цзыюаня распахнулся, обнажив плечо с едва затянувшейся, розовой раной.

Елюй Лу тяжело вздохнул:

— Хватит дурачиться. Слезай давай.

— С чего это я должен тебя слушаться? — Цзыюань проследил за его взглядом и, заметив, куда тот смотрит, лукаво улыбнулся: — Послушай, Лу-Лу, это уже какой раз? Что ты так привязался к моей ране? Совесть мучает?

От этого вкрадчивого шёпота у Елюй Лу невольно напряглись плечи. А Цзыюань, распаляясь ещё больше, навалился на его грудь всем телом, подпёр подбородок ладонями и заговорщически прошептал:

— Раз так, помоги мне. Время сейчас беспокойное, моему брату явно не до мелких неурядиц. Ты теперь великий полководец, да ещё и названный брат Его Величества, так что это дело наверняка поручат тебе. Скрой мои отлучки — вот и сочтёмся. Постарайся тянуть время как можно дольше.

Елюй Лу приподнялся на локтях. Глядя в хитрые, сияющие азартом глаза Цзыюаня, он не заметил, как его собственный голос стал хриплым:

— Ты и дальше собираешься проливать кровь?

— А как иначе? — беззаботно отозвался тот. — Пути назад нет. Просто выберем другую цель. Буду потихоньку убирать тех, кто мешает моему брату.

— Господин Шэнь уже всё устроил ради твоего же блага. Он видит картину шире. К чему это упрямство?

— Упрямство? Ты считаешь это глупым упрямством?

Елюй Лу ляпнул это не подумав, но весёлость с лица Цзыюаня мгновенно слетела, а в глазах потемнело.

Клубы пара над водой рассеялись, обнажая суровую реальность.

— Из меня не выйдет толкового чиновника! — глухо произнёс Цзыюань. — Брат хочет собрать вокруг себя верных людей, а потом передать их под моё начало, чтобы я закончил его дело. Но я не хочу этого! Я не умею вести дела как он! И у меня ничего не получится!

— Но... — попытался вставить слово Елюй Лу.

— Знаю я, что они пекутся обо мне! — перебил его Цзыюань. — Но я не желаю быть безвольной куклой в чужих руках! У меня есть своя голова на плечах! Да, я младший в семье. Все вокруг твердят, как мне повезло родиться братом великого Шэнь Чжиюя, мол, могу всю жизнь горя не знать. Но то было раньше. Мир изменился! Неужели я по гроб жизни должен прятаться за его широкой спиной?

— Елюй Лу, у меня сердце кровью обливается! Брат мне ничего не должен! Вся его «вина» лишь в том, что он родился раньше меня!

Цзыюань смотрел на него сверху вниз — растрёпанный, разгорячённый, похожий на дикого зверя, которого тщетно пытались запереть в золотую клетку. В его осанке и резком тоне угадывался опасный, хищный нрав. Он не был ручным питомцем.

Эти отчаянные слова наконец пробили броню сурового воина. На мгновение воцарилась тишина.

— Я помогу тебе, — негромко произнёс Елюй Лу.

— Что? — теперь уже Цзыюань растерянно моргнул, решив, что ослышался.

— Прости, я тебя недооценивал, — Елюй Лу мягко перехватил его руки и серьёзно добавил: — Если ты действительно выбрал свой путь, я поддержу тебя.

— Даже если придётся лгать императору? — всё ещё не верил Цзыюань.

Северянин молча кивнул.

— Да нет, постой... Я же просто сорвался, пошутил... Мы ведь едва знакомы...

— Время тут ни при чём, — Елюй Лу тепло усмехнулся и слегка подтолкнул его: — Так и будешь сидеть на мне? Вставай давай, у меня уже всё затекло.

Только тут до Цзыюаня дошло, в каком двусмысленном положении они находятся. Он мгновенно взвился на ноги, задействовав технику лёгкости — только воздух свистнул, и парень уже испарился.

«А он шустрый. Силы и ловкости не занимать, если поднатаскать — выйдет толк», — подумал Елюй Лу, с улыбкой глядя на мокрые следы на полу. Оглядев разгромленную купальню, он рассудил, что звать служанок не стоит, и, засучив рукава, принялся за уборку сам.

Едва он нагнулся, как в затылок ему прилетел деревянный ковш. Обернувшись, он увидел тяжело дышащего Цзыюаня. Тот, видимо, уже в своей спальне сообразил, что его провели, наспех накинул халат и примчался обратно босиком. Вцепившись в косяк двери, разгневанный юноша выпалил:

— Елюй Лу, кого ты обмануть пытаешься?! Во мне весу чуть больше мешка с мукой! С чего бы у тебя ноги затекли за пару минут? Ты свой генеральский чин на рынке выменял, что ли?!

Императорская тюрьма

Юань Чэ вместе с отрядом воинов Гуйжун стоял у входа в застенки. Ожидание затянулось — догорела уже целая палочка благовоний. Изнывая от скуки, император сорвал росшую у дороги травинку, сунул её в зубы и принялся разглядывать луну. Впрочем, ночное светило быстро ему наскучило. «Какая-то она блёклая, — подумал он. — То ли дело мой канцлер...»

Юань Чэ прекрасно понимал: Шэнь Чжияюю просто нужно было спровадить его под предлогом целебных снадобий. Даже если бы канцлеру действительно нездоровилось, здесь дежурил Чжото, в чьём лекарственном ларце могло не оказаться чего угодно, но только не личных пилюль господина Шэня.

В ожидании новостей Юань Чэ принялся мысленно распутывать клубок последних событий.

Канцлер явно склонялся на его сторону. Шэнь Чжияюй не страдал слепой преданностью престолу и был куда дальновиднее прочих царедворцев. В военных трактатах подобное искусство именовалось «ловлей рыбы в мутной воде» или «убийством чужим клинком». Задача перед ним стояла непосильная: вычистить до самого дна гнилое болото, в которое превратилась империя Великая Чу, избавиться от вековой грязи и при этом уберечь невиновных.

И всё же благородство помыслов отличало истинного государственного мужа от никчёмных чинуш, кичившихся заслугами почивших предков. Юань Чэ невольно усмехнулся, упиваясь гордостью за своего канцлера.

Но вскоре улыбка угасла. Помогая ему, канцлер всё же держался поодаль, не желая сближаться. Он выполнял свой долг перед страной, но не собирался делить судьбу с самим Юань Чэ. В сердце Шэнь Чжияюя до сих пор не было места для него.

Юань Чэ правил не впервой. В прошлой жизни он провел на драконьем троне долгих семь лет. И пусть он не был безвольным слюнтяем вроде правителей из династии Ли — любого захватчика он заставлял умыться кровью, — но возродить Великую Чу ему так и не удалось. Он лишь замедлил её падение в бездну. Особенно тяжело пришлось в последние годы его правления.

Тогда он одержимо, до безумия жаждал заполучить Шэнь Чжиюя, готов был запереть его в клетке, заковать в цепи. От бессилия и ярости Юань Чэ совершил роковую ошибку — нарушил хрупкое равновесие и приказал убить Ли Хая. В итоге всё рухнуло, обернувшись сокрушительным поражением для обоих.

Травинка на языке отозвалась горечью. Сплюнув её, Юань Чэ заметил стоявшего неподалёку Уяня, который увлечённо ковырялся в земле, разглядывая какую-то букашку, и отвесил ему несильный подзатыльник.

Потеряв добычу, воин с досадой обернулся, но, признав в обидчике императора, прикусил язык и виновато выпрямился.

— Скажи, я произвожу впечатление ненадёжного человека? — спросил Юань Чэ.

— Ненадёжного? — изумился Уянь. — Вовсе нет, Ваше Величество! Вы столь могущественны! Я до сих пор пытаюсь постичь ваше мастерство — как вам удаётся одним ударом ноги отбросить противника на десяток шагов?

— Тоже мне, великая премудрость, — отмахнулся император. — Ладно, забудь. С кем я вообще разговариваю...

Уянь лишь захлопал глазами от недоумения.

Получив вместо благодарности порцию презрения, воин понурил голову и уже собирался вернуться к прерванному занятию, как вдруг у ворот послышался шум.

Шэнь Чжиюй выходил из тюрьмы.

Император мигом забыл о подчинённом и поспешил навстречу канцлеру.

— Ну что? Заговорил мерзавец? — Юань Чэ осёкся, заметив багровые пятна на одеждах Шэня.
— Великие предки, что это?!

Когда канцлер уходил, его наряд был безупречен, теперь же широкие рукава потемнели от крови. Юань Чэ в испуге схватил его за запястья, но быстро успокоился: руки Шэнь Чжиюя были целы — кровь принадлежала покойнику.

Канцлер мягко, но настойчиво высвободил пальцы.

— У Тени-Четырнадцать есть дом в семи ли к западу от столицы, — тихо произнёс он. — Там живут его жена и малолетняя дочь. Ваше Величество, позаботьтесь о них. Освободите от рабской доли, даруйте статус благонадежных подданных и измените им имена.

— Будет сделано, — без колебаний согласился Юань Чэ. — Завтра же на рассвете отправлю людей.

— А самому Тени-Четырнадцать... поднесите чашу с ядом. Пусть он будет покрепче, чтобы несчастный не мучился. Тело сожгите, вещи уничтожьте. Ни могилы, ни поминальной таблички остаться не должно. Накажите его жене никогда не поминать мужа. Захочет ли она снова выйти замуж — её воля, но имя прежнего супруга должно быть предано забвению.

— Хорошо.

Шэнь Чжияй удивлённо взглянул на послушного правителя:

— Вы соглашаетесь со всем безропотно. Разве у Его Величества нет собственных соображений на этот счёт?

Юань Чэ понимал: это решение было безупречным. Запрет на упоминание отступника оберегал его семью от мести. Отрезав прошлое и заручившись высочайшим покровительством, женщина и дитя окажутся вне досягаемости Четырёх великих семейств, которые со временем попросту позабудут об их существовании.

— Ты — канцлер, которого я сам назначил на этот пост, и я безраздельно доверяю тебе, — мягко ответил Юань Чэ. — В государственных делах тебе нет равных, а на поле боя нет равных мне. Пока мы едины, никто не посмеет разорвать Великую Чу на части.

Окажись на их месте другие правитель и подданный, их союз воспели бы в хрониках как величайший пример верности и согласия. Но Шэнь Чжияй лишь глубже нахмурился и покачал головой:

— Нет. Между государем и слугой лежит непреодолимая пропасть. Подданные — лишь фигуры на доске. Будь то безвестный пехотинец или полководец, ведущий за собой легионы, для правителя они должны оставаться равными. Престол незыблем, тогда как слуги при дворе сменяют друг друга подобно речным водам. Я не призываю вас стать тираном, не ценящим жизни подданных, но умоляю хранить стойкость духа. У владыки могут быть верные соратники, могут быть преданные друзья... но ему заказано иметь любимого человека.

Эти слова, произнесённые с безупречной почтительностью, были не только уроком государственного управления, но и тонким, безоговорочным отказом принимать ухаживания императора.

Улыбка сползла с лица Юань Чэ.

— Что ты хочешь этим сказать?

Канцлер за последнее время сильно осунулся, роскошное одеяние висело на его исхудавших плечах. Он казался хрупким, измождённым болезнью, но в его осанке сквозила нестигаемая сила духа, подобная нерушимо утёсу среди бушующих волн. Юань Чэ не сводил с него мрачного взгляда.

— За красными воротами вельмож гниют яства, а на дорогах гибнут от стужи нищие, — тихо проговорил Шэнь Чжуй. — Знаменитые кланы веками сосали кровь из Великой Чу, закрывая глаза на голод и мор. Каждую зиму тысячи несчастных замерзали насмерть в разорённых провинциях. Об этой несправедливости слагали горькие песни, которые распевают даже дети. Покойный император был безволен, но отнюдь не глуп. Он всё прекрасно видел. Так почему же он бездействовал?

— Потому что корни старой знати уходят слишком глубоко, — угрюмо ответил Юань Чэ. — Потянешь за одну нить — рухнет весь дворец. Покойный государь понимал: решишь он на расправу, зал аудиенций в одночасье опустеет. Ему попросту не на кого было бы опереться.

— Это лишь одна из причин.

— Замкнутый круг, — развил мысль император. — Клань прибрали к рукам земли и крестьян, лишив людей возможности платить подати в срок. Казна пустела, трон шатался, и правителю не оставалось ничего другого, кроме как вымаливать крохи у тех же богачей ради спасения страны. Аристократы стали и ядом, отравляющим империю, и единственным противоядием, поддерживающим в ней жизнь.

Канцлер одобрительно склонил голову.

Юань Чэ сжал кулаки:

— Вот почему ты так стремился сокрушить царство Ли. И именно поэтому Ли-ван должен был умереть. Только заполучив его сокровища, мы сможем бросить вызов столичной знати.

— Я рад, что Ваше Величество зрит в самый корень, — произнёс Шэнь Чжуй. — Но знаете ли вы, как закончить эту партию между троном и кланами?

— И как же?

— Без жалости отсечь гниющие ветви, не страшась потрясений. Пусть впереди нас ждёт суровая зима, но на смену мёртвым лесам неизбежно придёт весна.

Юань Чэ застыл под порывами холодного ветра. Его взгляд потемнел, а с лица окончательно исчезли следы бывшего тепла.

— И тебя тоже... отсекут?

Шэнь Чжиюй безжалостно развеял последнюю искру его надежды:

— Без исключения.

— Что ж, — Юань Чэ горько усмехнулся. — Превосходно. Мудрые слова, господин канцлер. Я всё понял.

Груз империи был слишком велик, а смута — беспросветна. В этом жестоком мире не оставалось места для личного счастья. Шэнь Чжиюй никогда не предал бы своё предназначение. Ведь уступи он чувствам, он перестал бы быть собой.

Обратный путь они проделали в полном молчании. Проводив Шэнь Чжиюя до ворот резиденции, Юань Чэ направился во дворец. В последние дни Елюй Хагэ то и дело присылал гонцов с требованием, чтобы император немедленно занялся государственными делами. Старый наставник уже выбился из сил, пытаясь управиться с делами за своего непутёвого ученика.

Глубокой ночью Шэнь Чжиюй погрузился в тяжёлый, тревожный сон.

Во сне не было ни солнца, ни луны — лишь бесконечные серые сумерки. Он очутился перед растрескавшейся железной дверью. Стоило толкнуть её, как взору открылся огромный покой, заваленный трупами. Тёмная, почти чёрная кровь густо покрывала стены и пол. Лица мертвецов казались мучительно знакомыми. Здесь лежали его друзья, соратники по службе и злейшие враги — все те, чьи жизни унесла безжалостная смута со времён восшествия на престол покойного императора.

Шэнь Чжиюй сделал несколько шагов по липкому полу. Внезапно со всех сторон донеслось прерывистое, хриплое дыхание. В самом центре этого жуткого склепа на коленях стоял человек. Это был Тень-Четырнадцать.

Стоило мертвецу поднять голову, как остатки тусклого света окончательно угасли. Пространство вокруг сжалось, превратившись в зловещие театральные подмостки, где Шэнь Чжиюй оставался единственным зрителем, а Тень-Четырнадцать — безмолвным актёром.

На месте глаз у несчастного зияли две сочащиеся кровью раны. Беспорядочно шаря руками в пустоте, он на коленях пополз навстречу канцлеру:

— Господин... Я нарушил священную клятву тайной стражи. Я полюбил служанку из резиденции Ян, и она родила мне дочь. Господин Ян проведал об этом и пригрозил расправой... Он велел мне устроить заговор, затеять бунт, дабы выманить вас из дворца. А после передать: коли вы дорожите жизнью наследника покойного императора, то должны безропотно сгинуть в битвах с северными варварами.

Каждое слово давалось мертвецу с нечеловеческим трудом. Шэнь Чжиюй договорил за него:

— Но принц Ли Хай уже давно спелся со столичными кланами.

— Да... Всё именно так. Наследник заключил сделку с Четырьмя семействами. Им нужен был лишь послушный клинок в вашем лице, — Тень-Четырнадцать судорожно вцепился в подол халата канцлера и распластался у его ног. — Они хотели, чтобы вы приняли смерть вместо них.

Шэнь Чжиюй опустил рядом с ним:

— Значит, Ин-эр пала безвинной жертвой.

— Верно... Наследник испугался, что девчушка выдаст тайну, и решил избавиться от неё. Он до смерти боялся, что вы узнаете о его тайных сношениях с господином Яном.

Шэнь Чжиюй горько усмехнулся.

— Какой же Ли Хай глупец, — прошептал канцлер. — Он воображал, будто вместе с Ян Бочжуном плетёт заговор против меня. Но старая истина гласит: рушится стена — разбегаются крысы. Ян Бочжун, пытаясь сгубить меня, безжалостно предал и своего сообщника. — Шэнь Чжиюй коснулся плеча воина. — Ступай с миром. Мы с государем убережём твоих близких.

— Господин... — Тень-Четырнадцать зарыдал, но вместо слёз из его пустых глазниц хлынула чёрная жижа. Он потянул канцлера за собой в бездну. — Бегите и вы... Спасайтесь со мной... Этот мир прогнил...

— По всей империи маются миллионы таких же беззащитных душ, как твоя жена и дочь. Мне некуда бежать, — возразил Шэнь Чжиюй. — Клань ищут моей гибели, но и я давно ломаю голову над тем, как сокрушить их вековое могущество. Этот заговор — идеальный повод. Я своего не упущу.

Хватка мертвеца ослабла.

Вдруг земля под ногами разверзлась. Поднялся неистовый ураган, безжалостно увлекая горы трупов в зияющую пропасть. Тень-Четырнадцать в последний раз взглянул на Шэнь Чжиюя, его губы дрогнули в бледной, окровавленной улыбке, после чего он навеки закрыл глаза и канул во тьму.

В этот миг канцлера пробил ледяной озноб: ему почудилось, будто со дна бездонной пропасти на него устремлён чей-то пристальный, немигающий взор.

Наступил рассвет.

Оставленная с вечера оконная створка слегка приоткрылась, и первый робкий луч утреннего солнца скользнул по лицу Шэнь Чжиюя, развеивая остатки кошмара.

С трудом поднявшись, он потёр затёкшую шею. На вешалке сиротливо висело его парадное пурпурное одеяние, давно подёрнутое тонкой пылью.

Фигуры расставлены, границы очерчены, гроссмейстеры заняли свои места. Пора начинать игру.

<http://bllate.org/book/20512/2214245>